

Переписи русского позднеимперского города: история проведения, география, достоверность

Дмитрий Бахарев, Елена Главацкая

Censuses of the Russian Late Imperial city: history, geography, reliability

Dmitriy Bakharev

(Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg),

Elena Glavatskaya

(Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S0869568722060152, EDN: MMVJFA

Великие реформы Александра II способствовали расцвету многих российских городов. В этот период они переживали бурный демографический рост и обретали политико-экономическую самостоятельность. Тогда же начала формироваться массовая интеллигенция, которая активно взялась за изучение прошлого своих поселений, создание и развитие локальных исторических нарративов. Неудивительно, что в постсоветскую эпоху, когда города после долгого перерыва вновь получили самоуправление, именно позднеимперский период составляет особый интерес для исследователей. Городское краеведение, прежде бывшее уделом энтузиастов, в новом контексте обрело критическую значимость и прочно вошло в научную гуманитарную сферу. Параллельно (или благодаря) этому процессу в исторической науке конца XX – начала XXI в. сформировались направления (микроистория, социальная история, историческая урбанистика, антропология города и т.д.), сфокусированные на изучении именно городских сообществ. Интенсификация урбан-исторических исследований инициировала как поиск и ввод в научный оборот новых источников, так и актуализацию забытых старых.

К сожалению, исторических сведений о городах пореформенного времени меньше, чем хотелось бы, и чаще всего они фрагментарны. Если сведения о «неодушевлённой» части города – архитектуре, хозяйстве и проч. – можно найти в архивных фондах или даже в опубликованных сборниках документов, то сами горожане нередко остаются «белым пятном» в отечественных городо-ведческих работах. Имперский город конца XIX – начала XX в. стал заложником собственного слишком быстрого развития, поскольку стремительная урбанизация делала данные существовавшей системы текущего учёта населения более чем условными¹. Едва ли не единственным способом, с помощью

© 2022 г. Д.С. Бахарев, Е.М. Главацкая

¹ Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Сборник статей / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977. С. 62–82.

которого в условиях разворачивавшейся модернизации можно было получить относительно достоверные данные о городских жителях, являлась перепись населения. В течение пореформенного периода органы местного самоуправления инициировали сотни таких локальных демографических обследований — губернских и уездных, сельских и городских. Результаты последних, на наш взгляд, обладают огромным потенциалом для исследования истории российских городов. Материалы переписей — это важнейший источник информации об обществе, который содержит не только собственно демографические данные о численности населения и его половозрастном составе, но и сведения о занятости, образовании, этнической принадлежности, религии, степени владения родным и государственным языками и т.д.²

В отечественной историографии сформировалось достаточно сложное отношение к материалам однодневных переписей, особенно тех, что проводились в провинциальных городах. Современники, а вслед за ними и исследователи советского периода либо были настроены к ним довольно критически³, либо вовсе не подозревали об их существовании⁴. Это привело к тому, что переписи оказались забыты настолько, что даже установить точное число и места их проведения в настоящий момент не представляется возможным⁵.

Цель данной работы состоит в актуализации этого полузабытого и недооценённого отечественной историографией источника. Конкретными задачами исследования стали анализ географии и хронологии развития однодневных городских переписей населения; определение их специфичных черт и структурно-функциональных свойств; выявление причин появления и устойчивости историографических стереотипов о них. В статье также предпринимается попытка оценить качество проведения некоторых описаний.

Для изучения внутренних свойств типичной переписи были использованы статистические таблицы, подготовленные оргкомитетами по их итогам. Первичные материалы переписей населения — листки учёта, к сожалению, уничтожались, поскольку архивы не имели возможности хранить такие объёмы информации. В результате разработки и агрегации данных качественная личная информация из листов учёта преобразовывалась в количественную обезличенную, что в финале выглядело как свод статистических таблиц. Именно они и составляют главный итог переписей населения и главный источник информации для исторической демографии. Нами проанализированы находящиеся в открытом доступе в Интернете статистические сборники переписей 15 губернских и уездных российских пореформенных городов, в том числе Екатеринбург, Смоленска, Оренбурга, Томска, Омска, Пскова, Астрахани.

Место, время, контекст. Массовые номинативные обследования населения не были редкостью для России: русские княжества практиковали их начиная со Средневековья и, судя по всему, стали пионерами в этой области среди

---

² Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / Ed. R.S. Clem. Itaca; L., 2016. P. 17–18.

³ Пландовский В.В. Народная перепись. СПб., 1898. С. 272–305; Гозулов А.И. Местные переписи населения до революции // Учёные записки Ростовского-на-Дону финансово-экономического института. 1941. Т. 1. С. 249–308.

⁴ Янсон Ю.Э. Теория статистики. СПб., 1886. С. 295; Статистика / Под ред. С.Г. Струмилина. М., 1956. С. 520.

⁵ Подробный обзор историографии изучения городских позднеимперских переписей см.: Бахарев Д.С., Главацкая Е.М. Городские переписи пореформенной России: аналитические традиции и практики // Quaestio Rossica. Т. 10. 2022. № 3. С. 919–936.

европейских государств⁶. К XIX в. методика этих исчислений — неторопливая опись податного, преимущественно мужского, населения в фискальных и военных целях — безнадежно устарела. Российские политические и научные элиты осознавали архаичность собственных статистических практик: после 1856 г. они прекратили проведение ревизий и начали активную разработку будущей всеобщей переписи населения, устроенной с учётом самого передового мирового опыта⁷. Однако огромные размеры и разнородность страны, дороговизна мероприятия и сложившаяся административно-полицейская система учёта населения оттягивали проведение всероссийской переписи на неопределённый срок. Это создало условия для необычайного развития по-своему уникального явления — массовых местных, в том числе городских, переписей населения в поздней имперской России.

Локальные демографические обследования были распространены в Европе Нового времени и её колониях. Обычно они составляли своеобразный пролог перед установлением в стране практики общенациональных регулярных переписей⁸. В своей массе этот переход произошёл в середине XIX в. под влиянием идей талантливого бельгийского мультидисциплинарного учёного А. Кетле (1796—1874). Именно он разработал принципы организации современной переписи населения — одномоментной универсальной регистрации индивидуумов на определённой территории с последующей обработкой и публикацией данных — и успешно реализовал её в Брюсселе в 1842 г. Удачный опыт Кетле был распространён на всю Бельгию, а вслед за ней принят и в других странах. Этому способствовали и международные конгрессы статистиков, регулярно проводившиеся в крупных городах Европы с 1853 г. Кетле выступил главным организатором восьми из них и приложил немало усилий для убеждения зарубежных коллег-статистиков использовать единые стандарты при организации национальных переписей⁹. До этого методологического поворота большинство европейских городских демографических обследований имели довольно архаичный характер, являясь, в терминологии одного из крупнейших специалистов в этой области Г. Торвальдсена, *pre-censuses* или *census-like materials*, т.е. буквально «предпереписными» или «переписеподобными» мероприятиями¹⁰. Их российские аналоги были устроены уже согласно принципам, сформулированным Кетле.

Русские статистики хоть и пропустили два первых международных статистических конгресса — 1853 г. в Брюсселе и 1855 г. в Париже¹¹ — из-за, по всей видимости, недопонимания российским правительством масштаба мероприятий, но внимательно следили за их решениями¹². Они активно включились

---

⁶ Торвальдсен Г.Т. Номинативные источники в контексте всемирной истории переписей: Россия и Запад // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Т. 18. 2016. № 3(154). С. 10—11.

⁷ Дмитриев А.Л. Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: подготовка, проведение, итоги // История переписей населения в России. М., 2013. С. 109—110, 116—124.

⁸ См., например: Law C.M. Local Censuses in the 18th Century // Population Studies. Vol. 23. 1969. № 1. P. 87—100; Gehrman R. German Census-Taking before 1871 // Max Planck Institute for Demographic Research Working Paper. 2009. № 23. P. 1—24.

⁹ Thorvaldsen G. Censuses and Census Takers: a Global History. L., 2018. P. 65—120.

¹⁰ Ibid. P. 3.

¹¹ Шелестов Д.К. Международные статистические конгрессы // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 245.

¹² Ямагути А. Пропущенный конгресс: влияние Первого международного статистического конгресса на становление российской государственной статистики // Вопросы статистики. 2017. № 9. С. 84—88.

в работу третьего конгресса в Вене в 1857 г., а в 1872 г. страна приняла в Санкт-Петербурге восьмой Международный статистический конгресс, ставший одним из важнейших в истории статистики¹³. Считается, что именно петербургская конференция принесла на русскую почву новейшую методику переписи¹⁴, однако ещё за годы до неё мы встречаем чётко артикулированные принципы Кеттле в опубликованных материалах переписей глубоко провинциальных городов России, таких как Архангельск в 1863 г.¹⁵ или Астрахань в 1867 г.¹⁶

Помимо качественной теоретической базы имперская городская перепись имела все предпосылки для успешной практической организации. Великие реформы не только интенсифицировали процесс урбанизации, создав острую потребность в сведениях о городском населении, но и сформировали инструменты её реализации — субъектное городское самоуправление и развёрнутую сеть профессиональных статистических учреждений.

Вопрос о масштабах городского переписного движения в дореволюционной России является дискуссионным. Исследователи насчитывают от 150 до 250 статистических мероприятий, состоявшихся в стране с 1860 по 1917 г. Такой разброс связан с гипотетичностью этих чисел, основанной на предположении специалистов о том, что результаты значительной части переписей так и не были опубликованы¹⁷. Единственную попытку точно подсчитать состоявшиеся мероприятия предприняли А.И. Гозулов и А.Г. Волков¹⁸. Их итоговый список включал 130 одинарных и 9 губернских городских переписей¹⁹, что в сумме составляет 208 переписей в 122 городах²⁰. С позиции современного знания очевидна проблематичность составления этого реестра, основанная на простом сложении одинарных городских и губернских, что могло привести к двойному учёту. Так, например, в реестре упомянуты одновременные переписи Акмолинска и городов Акмолинской обл. и в 1877 г. Аналогичный двойной учёт произошёл и в случае с переписью Тулы и городов Тульской губ. в 1887 г. Кроме того, не все переписи, указанные в списке, подтверждены документально.

Если отсутствие сведений в специальной литературе можно оправдать низкой степенью освоения источников, то отсутствие реакции на мероприятие со стороны современников и прессы даёт основания усомниться в самом факте её проведения. Так, например, в отчёте Владимирского губернского статистиче-

---

¹³ Шелестов Д.К. Указ. соч. С. 245; Thorvaldsen G. Op. cit. P. 122.

¹⁴ Thorvaldsen G. Op. cit. P. 191.

¹⁵ Чубинский П. Отдел второй. Статистические таблицы и ведомости за 1863 г. // Памятная книжка для Архангельской губернии на 1864 год. Архангельск, 1864. Отд. II. С. 3.

¹⁶ Рымаренко С.С. Результаты однодневной переписи жителей г. Астрахани, произведённой Астраханским статистическим комитетом, 23 декабря 1867 года // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань, 1869. С. 101–110.

¹⁷ Гессен В.Ю. Местные переписи населения в России до октября 1917 г. // История переписей населения в России. С. 66.

¹⁸ Основу составил список А.И. Гозулова, опубликованный им ещё в 1940-е гг.: Гозулов А.И. Указ. соч. С. 252–255. Однако его обновлённая версия — приложение к их совместной с А.Г. Волковым статье про дореволюционные городские переписи — опубликована только за авторством А.Г. Волкова (см. ниже). Далее этот список будет обозначаться как «список Гозулова–Волкова».

¹⁹ Особый вид статистического обследования, когда по решению местных властей переписывалось население всех городов губернии.

²⁰ Волков А.Г. Приложение 2. Известные даты (по старому стилю) проведения местных переписей населения на территории Российской империи // Демографический энциклопедический словарь. С. 557.

ского комитета за 1874 г. нет ни слова о прошедшей в том году переписи населения г. Владимира²¹, которая, однако, включена в список Гозулова–Волкова. В то же время наш опыт в изучении материалов Пермской губ. свидетельствует о недоучёте народоисчислений в этом регионе. В реестре упомянуты только три местные городские переписи – в Екатеринбурге (1873), Красноуфимске (1887) и Перми (1890), однако совершенно точно известно об однодневных переписях Перми в 1868 и 1879 и Екатеринбурга в 1887 и 1917 гг.²² Также известно о переписях в городах Дедюхине и Ирбите, которые сами организаторы признали неудачными²³. Нельзя не упомянуть и многочисленные переписи заводских посёлков – поселений, юридически не являвшихся городами, но вмещавших зачастую десятки тысяч жителей²⁴.

Дополнительным аргументом в пользу явного недоучёта муниципальных переписей, проведённых в 1862–1917 гг., является их пространственное распределение. Известный факт концентрации городского населения в европейской части России не может в полной мере объяснить того, что Сибирский, Кавказский и Среднеазиатский регионы империи оказались гораздо меньше задеты развернувшимся в стране переписным движением (см. рис. 1). Это тем более странно, учитывая какое внимание имперское правительство уделяло национальному вопросу, понимание которого требовало точных сведений об этническом и религиозном составе населения окраинных и приграничных регионов. Можно предположить, что часть статистических обследований сибирских, кавказских и среднеазиатских городов так и не была опубликована, оставшись информацией для внутреннего пользования городских управ.

Что касается хронологии переписных мероприятий в городах, то она довольно неравномерна. Так, с 1862 по 1890 г. состоялись 96 одинарных и 9 общегубернских переписей из списка Гозулова–Волкова, а во второй половине пореформенного периода (1891–1916) – только 34 одинарных (см. рис. 2).

Проведение переписей регулировалось Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел (ЦСК). В.Ю. Гессен выделил пять его главных циркуляров, серьёзно повлиявших на переписное движение.

1. Циркуляр № 534 от 1873 г., в котором ЦСК одобрил опыты проведения переписей, однако обязал органы-инициаторы получать разрешение на их проведение, для того чтобы профессиональные статистики МВД проконсультировали оргкомитет относительно программы и методики переписи. Возможно,

---

²¹ Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Вып. I. Владимир, 1875. Стб. 18–22.

²² *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года: первый опыт краткого изложения истории Перми. Пермь, 1889; Результаты однодневной переписи в г. Перми 13-го апреля 1879 года // Пермские губернские ведомости. 1879. № 78; Город Екатеринбург / Под ред. И.И. Симанова. Екатеринбург, 2007. С. 59–101; *Бахарева Д.С.* Городская однодневная перепись Екатеринбурга 1917 года (по материалам периодической печати) // Провинциальный город в событиях 1917 года: новые подходы, исследовательские проблемы, открытия. Материалы межрегиональной конференции. Челябинск, 2017. С. 76–84.

²³ *Краснопёров Е.И.* Очерк экономического быта Дедюхинского заводского населения по данным семейной переписи. Пермь, 1886. С. 2; *Серебренников П.Н.* Опыт медико-топографического описания г. Ирбита и Пермской губернии. Дис. ... д-ра медицины. СПб., 1885. С. 54.

²⁴ *Ковалевский В.В.* Результаты однодневной переписи, произведённой Екатеринбургским земским врачом Ковалевским в 1881 году, в заводах: Невьянском, Петрокаменском, Верхне-Тагильском, Быньговском, Шуралинском, Рудянском и Верх-Нейвинском. Екатеринбург, 1881.

появление этого циркуляра связано с попыткой внедрения тех решений, которые были приняты на петербургском конгрессе статистиков в 1872 г.²⁵

2. Циркуляр № 2608 от 1887 г.²⁶, в котором ЦСК сетовал на «анархию» в переписном движении, так как большинство организаторов обходились без разрешения и даже информирования ЦСК.

3. Циркуляр № 307 от 1895 г., в котором ЦСК в преддверии всероссийской переписи 1897 г. наложил запрет на все другие статистические мероприятия в империи.

4. Циркуляр № 201 от 1904 г., согласно которому функция выдачи разрешения на проведение переписи была полностью снята с ЦСК и отдана на откуп губернаторов и органов самоуправления.

5. Циркуляр № 1186 от 1913 г., полностью запрещавший локальные обследования населения в преддверии планировавшейся второй всероссийской переписи 1915 г.²⁷

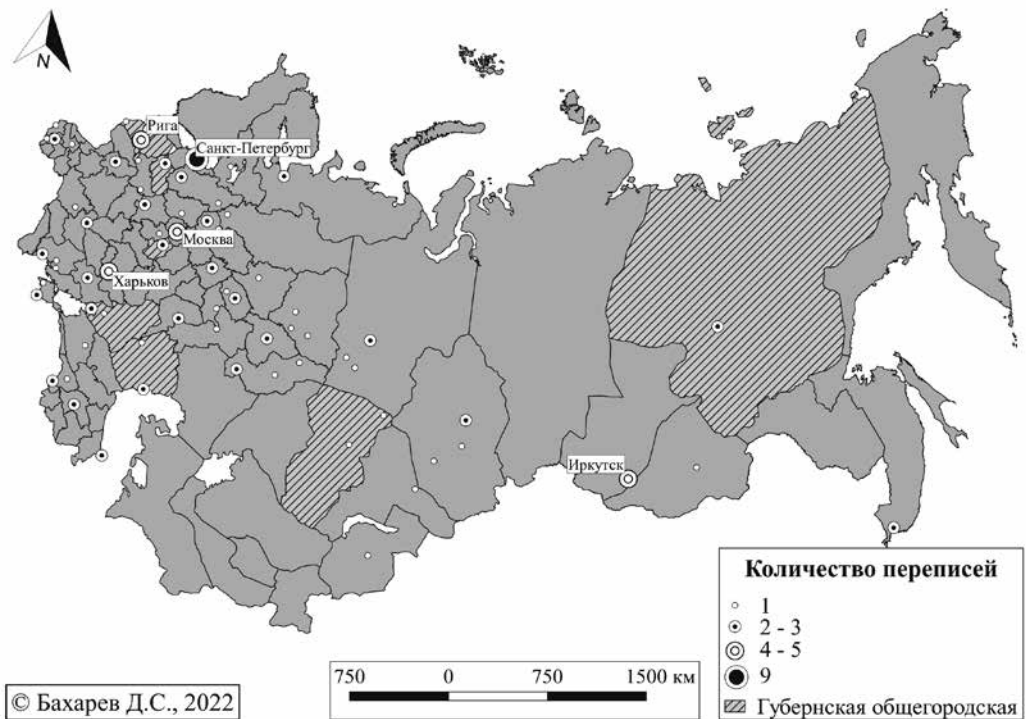

Рис. 1. Карта переписей в городах Российской империи, 1862–1917 гг.

Карта не содержит переписи Харбина, который формально находился за пределами России, и «Уоре» – города, который авторы не смогли идентифицировать.

Составлено по: Волков А.Г. Указ. соч. С. 557.

²⁵ Торвальдсен Г.Т. Указ соч. С. 12.

²⁶ Это циркуляр подкреплялся в следующем 1888 г. циркулярами № 152 и 197, поэтому здесь они рассматриваются как единая мера.

²⁷ Гессен В.Ю. Местные переписи населения... С. 67–71.

Рис. 2. Хронология, частота и контекст проведения городских переписей.
Составлено по: Волков А.Г. Указ. соч. С. 557.

Сопоставление дат циркуляров и динамики количества переписных мероприятий позволяет предположить, что если первый циркуляр вследствие своей «мягкости» практически не повлиял на настроения региональных акторов, то последующим двум предписаниям удалось затормозить рост интереса к проведению городских переписей, который Россия переживала на протяжении почти 30 лет. Либеральный циркуляр № 201 от 1904 г., в свою очередь, не вызвал большого энтузиазма у местных статистиков, так как, по предположению Гессена, многие видные региональные практики отошли от дел, разочаровались или стали излишне осторожными из-за предыдущих запретительных актов²⁸. Свою роль сыграла и перепись 1897 г., которая на время удовлетворила потребность местных властей в данных о населении. Ситуацию усугубили военно-политические потрясения и экономический кризис, поразивший Россию в начале XX в. В этих условиях муниципалитеты вынуждены были сознательно экономить на отнюдь не дешёвых статистических обследованиях. Запретительный эффект последнего циркуляра ЦСК от 1913 г. оказался фактически сведён на нет Первой мировой войной, в результате которой многие российские города начали испытывать массовый приток беженцев и дефицит продовольствия, что как никогда обострило потребность в учёте населения.

Другим фактором, влиявшим на динамику демографических исчислений в имперских городах, могли быть переписи населения Санкт-Петербурга. Столица справедливо воспринималась руководством других городов как плацдарм передовых нововведений и пример для подражания. В 1891 г. профессор ста-

²⁸ Там же. С. 71.

тики Ю.Э. Янсон, идеолог и организатор первых петербургских переписей, отметил, что он регулярно получает «из разных городов России запросы о том, как лучше и удобнее было бы сделать им перепись населения»²⁹. Столичное самоуправление обладало огромным политическим весом и могло себе позволить игнорировать или обходить циркуляры ЦСК. Сравнение хронологии статистических обследований в Петербурге и других городах даёт основание предположить, что именно столичные переписи подчас вызывали волну одновременных или отложенных на год аналогичных мероприятий по всей стране, в том числе и в «запретительные» периоды.

Кадры и методы, цели и результаты. Методика проведения городской переписи имела стандартный характер. Административными органами города и губернии создавался оргкомитет из профессиональных статистиков, представителей местной власти и интеллигенции. Оргкомитет составлял программу переписи, т.е. план её проведения, и готовил сопутствующие документы – объявления, инструкции и переписные ведомости. Город делился на переписные районы, а те (при необходимости) – на участки. В каждый переписной район (участок) назначался руководитель и под его начало набирались счётчики из представителей местной интеллигенции и учащихся. Обычно городская перепись населения состояла из двух частей: помимо непосредственно регистрации населения проводилась подворная перепись – мероприятие не менее важное, чем демографическое обследование, поскольку оно служило целям городского налогообложения. Счётчики в течение нескольких дней обходили все жилые дома и с помощью хозяев фиксировали в подворной ведомости физические характеристики строений домохозяйства.

Лишь спустя некоторое время начиналась собственно перепись населения, проводившаяся уже «поквартирно»³⁰. Сначала счётчики разносили квартирные ведомости и личные листки³¹, которые квартирохозяева и помогающие им грамотные жильцы должны были заполнить в течение нескольких дней и самостоятельно (по принципу «самоисчисления») ответить на вопросы, которых обыкновенно было от 10 до 20. Наконец, в день, назначенный критическим моментом переписи (в соблюдение принципа «одномоментности» или «однодневности» мероприятия), счётчики вновь обходили домохозяйства и собирали заполненные квартирные ведомости и личные листки. В момент сбора заполненных бланков жильцы, отсутствующие на месте, из них вычёркивались, а только что появившиеся – добавлялись. Таким образом, соблюдался принцип регистрации *de-facto*.

Собранные ведомости и листки счётчики передавали в штаб переписи, где они в течение нескольких дней обрабатывались для получения предварительных результатов, главным образом – определения общей численности населения. Уже значительно позднее проходила разработка материалов, составление подробных статистических таблиц и, наконец, их публикация. Эти мероприятия различались длительностью (иной раз критический момент растягивался

²⁹ Янсон Ю. Техника переписей населения в применении к русским городам. Статья первая // Северный вестник. 1891. № 5. Отд. II. С. 1.

³⁰ «Поквартирно» – устойчивый термин, подразумевавший личную перепись граждан безотносительно места их проживания.

³¹ С содержанием типичных переписных документов можно ознакомиться на примере переписи Саратова 1916 г.: *Кокшайский И.Н.* Предварительные данные переписи населения г. Саратова и его пригородов, произведённой в 1916 году. Саратов, 1916. Приложения. С. 5–15.

на несколько дней), числом счётчиков, степенью самоисчисления (полное или при помощи счётчика), количеством и ясностью вопросов в ведомостях и проч. Соотношение этих факторов в конечном счёте и определяло качество конкретного обследования. Часто оно вызывало нарекания в столицах. Ведущие российские, а затем и советские специалисты критиковали отсутствие профессиональных статистиков в оргкомитетах провинциальных переписей, недостаточно чёткую формулировку вопросов в бланках, широко применявшийся принцип самоисчисления при низкой грамотности населения и, наконец, неполную публикацию результатов (или её отсутствие)³².

При изучении этого сюжета, однако, обращают на себя внимание его обезличенность и клишированность. Начиная с дореволюционного периода, тематические исследования, как правило, были сосредоточены на анализе одного и того же набора крупнейших городов — Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Баку и Тифлиса³³. Практически нигде в литературе не оценивались статистические обследования провинциальных городов в общенациональном контексте. Исходя из этого можно предположить, что критическое отношение к качеству переписей сформировалось под влиянием дореволюционных специалистов, а они, в свою очередь, судили об этом явлении на основании знакомства лишь с единичными изданиями. Иначе и быть не могло, учитывая то, как мало переписей оказалось опубликовано и сколько из этих брошюр дошло до Петербурга³⁴. В 1886 г. Ю.Э. Янсон писал: «Были делаемы опыты однодневных переписей, с различным успехом, во многих городах, общая же российская перепись имеетя пока только в проекте. Но и об упомянутых опытах переписей нет почти вовсе сведений в нашей статистической литературе. По-видимому, в провинциальных городах такие переписи давно уже не делались: последние известия о них кончаются в начале 70-х годов»³⁵. Отметим, что только за 1875—1885 гг. состоялись 30 одинарных и 2 губернские городские переписи. Таким образом, оценка достоверности сведений провинциальных переписей остаётся сюжетом, требующим серьёзной проработки.

По мнению В.В. Пландовского, одним из «слабых» мест провинциального переписного движения был низкий профессионализм организаторов³⁶. На наш взгляд, это утверждение спорно и требует тщательной аргументации. Типичная имперская провинция пореформенной России располагала тремя видами органов статистического профиля: губернским статистическим комитетом (ГСК), земским и городским статистическими бюро. Все они в равной степени

---

³² Пландовский В.В. Указ. соч. С. 300—301; Гозулов А.И. Указ. соч. С. 303—307; Волков А.Г. Переписи населения местные в дореволюционной России // Статистический словарь. М., 1965. С. 403; Волков А.Г., Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Перепись населения // Демографический энциклопедический словарь. С. 322.

³³ Пландовский В.В. Указ. соч. С. 272—305; Гозулов А.И. Указ. соч. С. 249—308; Гессен В.Ю. Местные переписи населения... С. 64—106.

³⁴ Например, в практически единственном библиографическом справочнике по демографическим источникам указанного периода истории России лишь для 25 городских переписей приведены опубликованные результаты (Моисеенко В.М. Социально-демографические проблемы населения в российской литературе во второй половине XIX — начале XX вв.: Библиографический справочник. М., 2011. С. 35—42). Конечно, эта цифра гораздо меньше числа реально опубликованных изданий, но она хорошо отражает степень научной освоенности источниковой базы даже на современном этапе.

³⁵ Янсон Ю.Э. Теория статистики. С. 295.

³⁶ Пландовский В.В. Указ. соч. С. 300—301.

принимали активное участие в проведении муниципальных переписей населения³⁷. Однако ГСК до реформ Александра II в большинстве своём существовали лишь на бумаге, получив реальное кадровое наполнение и финансирование только в начале 1860-х гг.³⁸ Земские статистические отделы были образованы после 1864 г. вместе с земствами. Городское самоуправление же, теоретически главный идеолог, заказчик и исполнитель муниципального обследования, появилось повсеместно лишь в 1870 г., а городские органы, ответственные за статистику, начали функционировать ещё позже.

Возможно, именно переписи 1860-х – начала 1870-х гг., часто действительно имевшие дилетантский характер, вызывали естественное возмущение столичных статистиков. Первый циркуляр ЦСК от 1873 г. по поводу местных переписей можно рассматривать как своеобразный маркер наличия этой проблемы в стране. Даже в столицах первые переписные мероприятия, которые полностью удовлетворили большинство статистиков, были проведены лишь в 1880 г. (Петербург) и 1881 г. (Москва) с пятой и второй попытки соответственно³⁹. Таким образом, невысокое качество ранних городских обследований логично объяснить скорее временным фактором: в 1860-х – начале 1870-х гг. происходило общеимперское становление институтов профессиональной статистики, воспитывались кадры и совершенствовались методики.

Провинция, на наш взгляд, могла иметь даже некоторые преимущества перед крупными городами. Чрезвычайно насыщенная общественно-политическая жизнь пореформенной России заставляла власти всех уровней пристально следить за настроениями масс. Среди «неблагонадёжных элементов» было немало статистиков, по долгу службы регулярно соприкасавшихся с социально незащищёнными слоями российского общества и сочувствовавших им. Это создавало ситуацию почти системной, зачастую обоснованной подозрительности к местным статистикам со стороны государства⁴⁰. Как следствие, большое количество профессионалов, чьи политические взгляды и деятельность не одобрялись властью, выслались на периферию страны. Именно этот «ссылный» фактор часто обуславливал неожиданно высокую компетентность провинциальных статистических служб. К числу таких провинциальных статистиков можно отнести, например, социалиста П.П. Чубинского (выпускника Санкт-Петербургского университета), организовавшего перепись Архангельска 1863 и, видимо, 1864 гг.⁴¹; члена «Земли и Воли» С.С. Рымаренко (бывшего студента Харьковского университета и Императорской медико-хирургической академии), организатора переписи Астрахани 1868 г.⁴²; народника С.П. Швецова (бывшего студента Петербургского учительского института), разрабатывавше-

---

³⁷ См., например: *Скопа В.А.* История статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в начале XIX – начале XX века. Барнаул, 2015. С. 223–227; *Строкин Н.* Результаты однодневной переписи городов Псковской губернии, 28 ноября 1887 года. Вып. 1. Псков, 1889. С. 1–8.

³⁸ *Первушкин В.И.* Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза, 2007. С. 44–53.

³⁹ *Гозулов А.И.* Указ. соч. С. 260–265, 275–282.

⁴⁰ *Гессен В.Ю.* Местные переписи населения... С. 71–80; *Борщик Н.Д.* История подготовки II всероссийской переписи населения Российской империи 1915 г. в Таврической губернии // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. 2018. Т. 4(70). № 2. С. 43.

⁴¹ *Чубинский П.П.* Указ. соч. С. 3.

⁴² *Рымаренко С.С.* Указ. соч.

го перепись Барнаула 1895 г.⁴³; эсера П.Н. Дорохова (выпускника Самарского городского училища), руководившего однодневными переписями Челябинска в 1916 г. и Екатеринбурга в 1917 г.⁴⁴ Примечательно, что эта «традиция» сохранилась и в советское время. Например, штат Приполярной переписи 1926–1927 гг. был во многом набран из политических ссыльных⁴⁵.

Ещё одним преимуществом провинциального города являлся его размер. Многие методические недостатки, такие как неясность переписного листа, чрезмерное привлечение полиции и проч., на наш взгляд, могли компенсироваться более плотной работой счётчиков с горожанами, чего практически невозможно было добиться в Петербурге и Москве. Разница в относительном количестве счётчиков в столице и компактном провинциальном городе могла достигать десятка раз (см. табл. 1).

Таблица 1

Городские переписи 1870–1880-х гг.

Город	Население	Горожан на одного счётчика
Санкт-Петербург (1881)	861 303	1 129
Москва (1882)	751 491	460
Екатеринбург (1887)*	39 153	350
Оренбург (1875)	42 123	125
Омск (1877)	24 818	118
Смоленск (1881)	33 890	113

Составлено по: Город Екатеринбург. С. 72–73, 78; Пландовский В.В. Указ. соч. С. 279, 287; Перепись Москвы 1882 года. Вып. 1. М., 1885. Производство... Приложения. Стб. 5–6; Квартиры и хозяйства. Стб. 3–4; Граждане «цветущего» возраста, или Однодневная перепись населения в городе Омске (URL: <http://oms.omskportal.ru/omsu/sherb-3-52-259-1/banners/useful-links/reperis/vozgast.html>); Словоцв И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлечённые из однодневной переписи 1877 г. Ч. 1. Омск, 1880. С. 73; Распов П.Н. Однодневная перепись населения г. Оренбурга, произведённая 21 декабря 1875 г. Оренбург, 1878. С. 5, 8; Статистический очерк города Смоленска и однодневная перепись 11-го октября 1881 г. Смоленск, 1882. С. 36, 41.

* Для Екатеринбурга в источнике указано наличие 32 участков с руководителями и 3–4 помощниками у каждого, т.е. общее число счётчиков следует искать в промежутке между 96 и 128; для таблицы взято среднее значение – 112.

Большую роль играла и компетентность счётчиков. Гозулов отмечал, что если в Европе кадры переписей состояли по большей части из буржуазии, чей труд щедро оплачивался, то в России это чаще всего были добровольцы из интеллигенции и учащиеся, готовые трудиться безвозмездно⁴⁶. Вероятно, только таким способом небольшой муниципалитет в позднеимперской России мог

⁴³ Швецов С.П. Алтайский сборник. Т. 2. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 года. Вып. 1. Барнаул, 1898. С. 1–4.

⁴⁴ Бахарев Д.С. Городская однодневная перепись Екатеринбурга... С. 79.

⁴⁵ Главацкая Е.М., Клюкина-Боровик Ю.В. Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись, 1926–1927 гг. Екатеринбург, 2013. С. 14–15.

⁴⁶ Гозулов А.И. Указ. соч. С. 306–307.

себе позволить настоящую перепись населения. Надо признать, что этот способ работал. В отличие от главных городов страны, где даже за плату корпус счётчиков комплектовался с большим трудом (например, в Москве в 1882 г. из запланированных 2500 регистраторов набрали лишь 1551⁴⁷), в русской провинции организаторам удавалось набрать в пропорции к населению города многократно больший штат, причём абсолютно бесплатно (например, в Томске в 1880 г.⁴⁸ и Смоленске в 1881 г.⁴⁹).

Делая поправку на, вероятно, частично принудительное привлечение учащихся, тем не менее нельзя не поразиться тому энтузиазму, с которым представители местной интеллигенции были готовы безвозмездно исследовать родной город. Подобное поведение, чрезвычайно характерное для времени поздней империи, как нам видится, было результатом практической реализации потенциала гражданственности и локального патриотизма, активно формировавшегося местным образованным слоем через создание городского исторического нарратива.

Цели, ради которых проводились переписи российских городов, как правило, имели сугубо практический характер (возможно, за исключением столиц). В Пскове, например, таким путём пытались определить доходность недвижимости для улучшения сбора налогов⁵⁰, в Екатеринбурге оценивали влияние только что проложенной железной дороги на город⁵¹, в Иркутске изучали последствия страшного пожара⁵² и т.д. В то же время всероссийская перепись 1897 г. помимо научных и утилитарных целей имела и политическую подоплёку. С её помощью власти стремились проанализировать состояние еврейского и польского «вопросов», оценить распространение церковного раскола и «сектантства», изучить жизнеспособность идеологий «триединого русского народа» и «единой татарской нации»⁵³.

Все рассмотренные свойства и этапы касаются непосредственно процесса переписи, финальное же суждение о её качестве можно вынести лишь по конечным результатам. При этом современные инструменты анализа редко применяются к историческим источникам. Создание последних часто сопровождалось неизвестным нам контекстом, а количество информационных трансфертов за прошедшее время могло изменить первоначальные данные до неузнаваемости (агрегация, разработка, редакция, издание, переиздание, цитирование, комментирование, переложение и т.д.). К таким инструментам относится измерение возрастной аккумуляции — явления, суть которого заключается в искажении людьми своего возраста во время регистрации в сторону округления, т.е. до цифр, оканчивающихся на «0» и «5». Измеряется возрастная аккумуляция с помощью индекса Уипла, идеальное значение которого составляет «100» и говорит о полном отсутствии аккумуляции, т.е. опрашиваемые называли свой возраст безупречно верно, без намёка на округление. В ином случае индекс

⁴⁷ Там же. С. 278.

⁴⁸ *Костров Н.А.* Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года. Томск, 1880. С. 4.

⁴⁹ Статистический очерк города Смоленска... С. 37.

⁵⁰ *Строкин Н.* Указ. соч. С. 1.

⁵¹ Город Екатеринбург. С. 71.

⁵² *Гессен В.Ю.* Местные переписи населения... С. 100.

⁵³ *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 47–79; *Darrow D.W.* Census as a Technology of Empire // *Ab Imperio*. 2002. № 4. P. 145–176.

увеличивается: чем больше людей, склонных к округлению своего возраста до «юбилейных» значений, тем он выше⁵⁴. Этот универсальный приём применяется демографами и для анализа результатов современных переписей⁵⁵.

Познавательный смысл использования индекса Уипла заключается в том, что аккумуляция зависит от двух факторов – грамотности населения и качества работы счётчиков. При знании уровня грамотности это позволяет в некотором смысле отслеживать эволюцию качества переписных мероприятий. Мы выбрали три города, где в 1870–1880-х гг. были проведены однодневные переписи населения, а их результаты опубликованы и включали погодные возрастные таблицы⁵⁶. Интересным представляется сравнение результатов Первой всеобщей переписи и предшествовавших ей городских переписей (см. табл. 2).

Таблица 2

**Возрастная аккумуляция и уровень грамотности
в городских переписях конца XIX в.**

	Городские переписи 1870–1880-х гг.		Первая всеобщая перепись 1897 г.	
	Индекс Уипла	Доля грамотных, %	Индекс Уипла	Доля грамотных, %
Оренбург	150	46,9	125	49
Псков	132	57,4	114	63
Омск	116	41,6	113	49

Составлено по: Распопов П.Н. Указ. соч. С. 45; *Словцов И.Я.* Материалы по истории и статистике Омска, извлечённые из однодневной переписи 1877 г. Ч. 1. Омск, 1880. С. 85; *Строкин Н.* Указ. соч. С. 8; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 28: Оренбургская губерния / Под ред. И.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 16–17; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 34: Псковская губерния. Тетр. 2 / Под ред. И.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 9–10; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 81: Акмолинская область / Под ред. И.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 10–11. При расчёте грамотности во всех случаях учитывалось только население старше 6 лет.

Напомним, что перепись 1897 г. проводилась с централизованной методической поддержкой ведущих отечественных статистиков из ЦСК и значительными денежными ассигнованиями имперского правительства⁵⁷. Её организация в настоящее время признана образцовой, а результаты – заслуживающими доверия⁵⁸. Перепись Оренбурга 1875 г. показала довольно высокий коэффициент

⁵⁴ *Архангельский В.Н.* Аккумуляция возрастная // Демографический энциклопедический словарь. С. 14–15.

⁵⁵ *Андреев Е.М.* О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 23.

⁵⁶ Городов, соответствующих этим критериям, очень мало, и практически все найденные в открытом доступе в Интернете источники были включены в эту таблицу. Таким образом, содержание таблицы является не искусственным подбором, а скорее естественной выборкой.

⁵⁷ *Дмитриев А.Л.* Указ. соч. С. 124–140.

⁵⁸ *Литвак К.Б.* Перепись населения 1897 г. о крестьянстве России (источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 1. С. 124–125; *Сафронов А.А.* Первая всеобщая перепись населения России 1897 г.: разработка данных о грамотности, их информационный потенциал и достоверность // Документ. Архив. История. Современность. 2003. № 3. С. 217–218.

возрастной аккумуляции⁵⁹. Через 22 года он серьёзно снизился — на 25 пунктов — при минимальном увеличении грамотности населения, всего на 2,1%. Полагаем, это указывает на существенно более низкое качество этой переписи по сравнению со всероссийским обследованием. Сравнение обследований Пскова 1887 и 1897 гг. показало снижение индекса Уипла на 18 пунктов при росте грамотности на 5,6%. Можно предположить, что именно прогресс в области образования повысил качество учёта населения, а обе переписи были проведены на одинаково высоком уровне. Особое внимание обращает на себя перепись Омска 1877 г., превзошедшая по точности регистрации возрастов общеимперское обследование, состоявшееся 20 лет спустя. На это указывает минимальное снижение возрастной аккумуляции, всего на 3 пункта, при значительном росте грамотности, на 7,4%. Для сравнения, в середине XX в. переписи многих стран, в том числе Португалии, Таиланда, Новой Зеландии и др., имели уровень возрастной аккумуляции в этом же диапазоне (110–124,9), а некоторые — даже значительно выше, например, Греция и Египет (125–174,9) или Турция (более 175)⁶⁰.

Заключение. Исследование феномена городских переписей в Российской империи конца XIX — начала XX в. привело к ряду интересных выводов. Во-первых, очевидна уникальность этого явления в общемировом контексте. На Западе городские демографические обследования к середине XIX в. уступили место современным национальным переписям, тогда как в России они приобрели по-настоящему массовый характер, восприняв самые прогрессивные принципы организации А. Кетле. При этом очевиден недоучёт подобных мероприятий. Результаты значительной их части либо так и остались неопубликованными, либо были изданы считанными экземплярами, до сих пор ожидая своего исследователя в архивах и библиотеках. В пользу этой гипотезы говорит показанная в данной статье неполнота списков проведённых переписей и их диспропорциональное распределение во времени и на карте России. По всей видимости, главными факторами, определявшими динамику проведения статистических обследований российских городов, были циркуляры ЦСК и переписи Санкт-Петербурга: первые чаще имели ограничительный характер, «прижимая» вниз кривую динамики, а вторые, наоборот, провоцировали её подъёмы из-за массы подражавших столице городов.

Что касается уровня профессионализма оргкомитетов провинциальных городских переписей, то, по нашему мнению, он недооценён из-за стереотипов, сложившихся в отечественной историографии на основе исследований материалов ранних статистических обследований 1860-х — начала 1870-х гг. Даже самый предварительный объективный анализ результатов (расчёт индекса Уипла) городских переписей 1870–1880-х гг., чьи материалы находятся в открытом доступе, показал, что их качество сопоставимо с образцовым всероссийским обследованием 1897 г. и не уступает, по крайней мере по этому показателю, многим зарубежным переписям середины XX в.

К безусловным преимуществам переписей провинциальных городов можно отнести то, что они составлялись сосланными профессионалами. Кроме того, небольшие размеры городов позволяли организовывать более плотную

---

⁵⁹ Примечательно, что организаторы переписи сами знали о существовании этого явления и обращали на него внимание (*Раснонов П.Н.* Указ. соч. С. 37–39).

⁶⁰ *Demographic yearbook 1995. 7th issue. Population Censuses.* N.Y., 1995. P. 19.

работу счётчиков с населением. Для этих переписей характерна бóльшая политическая нейтральность и направленность на решение практических задач, что, в свою очередь, создавало дополнительную мотивацию для участников. Не последнюю роль в росте качества переписных мероприятий играла активно формировавшаяся силами интеллигенции городская идентичность, позволявшая небогатым муниципалитетам рекрутировать сотни счётчиков на безвозмездной основе. Энтузиазм организаторов и непосредственных исполнителей переписей позитивно влиял на качество их проведения⁶¹. В целом, провинциальные переписи, имеющие достаточную степень достоверности, открывают новые возможности для исследований по истории и антропологии российских городов XIX – начала XX в.

---

⁶¹ *Glavatskaya E., Thorvaldsen G. The Three Main Western Revolutions and their Censuses // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 4. P. 992–1008.*